

Научная статья

УДК 378

ИЗУЧЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КУРСАНТОВ КАК ИНТЕГРАТИВНОГО КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ

Светлана Николаевна Сорокоумова^{1, 2}, Владислав Михайлович Бурмакин³

¹ Московский авиационный институт (Национально-исследовательский университет), Москва, Россия; Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия

² Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия

³ Балтийский государственный технический университет "ВОЕНМЕХ" им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

¹ 4013@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

² burmakin_vm@voenmeh.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9943-5327>

Аннотация. Статья посвящена изучению антикоррупционной устойчивости курсантов военных образовательных организаций Росгвардии. Антикоррупционная устойчивость рассматривается как личностный конструкт, как интегральное качество личности и профессионального сознания курсантов, выражающееся в способности сохранять верность правовым и нравственным нормам, противостоять коррупционному давлению и отвергать участие в коррупционных практиках в служебной деятельности. Именно антикоррупционная устойчивость курсантов стала предметом эмпирического исследования. Особое внимание уделяется изучению структурных компонентов антикоррупционной устойчивости: когнитивного, ценностно-мотивационного, эмоционально-волевого и поведенческо-деятельностного компонентам. По результатам эмпирического исследования авторы намечают дальнейшие пути формирующей работы с курсантами.

Ключевые слова: антикоррупционная устойчивость, методы и методики исследования, курсанты Росгвардии, антикоррупционное поведение, коррупционный профиль, антикоррупционное просвещение

Для цитирования: Сорокоумова С.Н., Бурмакин В.М. Изучение антикоррупционной устойчивости курсантов как интегративного качества личности // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 308–323. URL: <http://vestnik-academrg.ru/2026/09/033.pdf>.

Original article

STUDY OF ANTI-CORRUPTION RESILIENCE OF CADETS AS AN INTEGRATIVE PERSONALITY TRAIT

Svetlana N. Sorokoumova¹, Vladislav M. Burmakin²

¹ Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia; Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

² Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

³ Baltic State Technical University "VOENMEKH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia

¹ 4013@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>

² burmakin_vm@voenmeh.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9943-5327>

Abstract. This article examines the anti-corruption resilience of cadets at military educational institutions of the Russian National Guard. Anti-corruption resilience is considered a personal construct, an integral quality of the cadets' personality and professional consciousness, expressed in the ability to remain faithful to legal and moral norms, resist corrupt pressure, and reject participation in corrupt practices in their professional activities. The anti-corruption resilience of cadets was the subject of an empirical study. Particular attention is paid to the structural components of anti-corruption resilience: cognitive, value-motivational, emotional-volitional, and behavioral-activity components. Based on the results of the empirical study, the authors outline future directions for formative work with cadets.

Keywords: anti-corruption sustainability, research methods and techniques, Rosgvardia cadets, anti-corruption behavior, corruption profile, anti-corruption education

For citation: Sorokoumova S.N., Burmakin V.M. Study of anti-corruption resilience of cadets as an integrative personality trait. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36):308–323. (In Russ.). Available from: <http://vestnik-academrg.ru/2026/09/033.pdf>.

© Сорокоумова С.Н., Бурмакин В.М., 2026

Введение

Антикоррупционная устойчивость как интегративное качество — это сложное, многоуровневое свойство личности (организации или общества), которое позволяет успешно противостоять коррупционным факторам, сохранять профессиональную и моральную объективность и не вовлекаться в коррупционные практики [3; 4; 5].

Называть это качество интегративным (от лат. *integratio* – восстановление, восполнение, объединение частей в целое) правомерно, так как оно не сводится к одной лишь честности или знанию законов. Это сплав множества психологических, правовых, нравственных и социальных характеристик человека.

Рассмотрим структуру антикоррупционной устойчивости через призму ее составных компонентов, уровней и путей формирования.

Исследованием установлено, что интегративное качество личности, антикоррупционная устойчивость состоит из четырех взаимосвязанных компонентов: когнитивный (познавательный) компонент, включающий: знание антикоррупционного законодательства; понимание того, что такое коррупция, каковы ее скрытые формы; осознание разрушительных социально-экономических последствий коррупции; ценностно-мотивационный (нравственный) компонент, включающий: наличие прочного внутреннего нравственного стержня; интериоризацию таких ценностей, как справедливость, честность, гражданский долг, профессиональная честь; внутреннее неприятие коррупции как способу решения проблем; эмоционально-волевой компонент, включает: способность противостоять давлению, соблазну и манипуляциям; умение преодолевать страх (например, страх испортить отношения с начальством или коллегами при отказе от участия в коррупционной схеме); психологическую готовность и смелость сказать твердое «нет» и поведенческо-деятельностный компонент включает: практическое применение своих знаний и убеждений в реальных ситуациях; навыки правомерного поведения; готовность сообщить о фактах коррупции в соответствующие органы.

Только единство всех четырех компонентов делает человека по-настоящему устойчивым. Глубокие знания о законодательстве в отрыве от морально-нравственных ограничений личности не способствуют антикоррупционной устойчивости индивида. Более того, они снабжают его инструментарием для сокрытия своей преступной деятельности и легализации коррупционных доходов. Индивид с развитым чувством морали, но лишённый достаточных волевых качеств, не способен активно противостоять коррупционным актам в окружающей его среде. Он, вероятно, не станет инициатором правонарушения, но будет подвержен рискам вовлечения и пассивного участия ввиду своего конформизма.

На основании проведённого нами анализа и синтеза материалов различных авторов можно определить сущность антикоррупционной устойчивости военнослужащих следующим образом: это неотъемлемое личностное качество индивида (а также его профессионального сознания), выраженное в способности и готовности систематически противодействовать коррупционному поведению, следовать морально-нравственным идеалам в своей непосредственной служебной деятельности. При этом антикоррупционная устойчивость может подразделяться на следующие аспекты: личное неприятие коррупции; отказ от использования коррупционных практик; способность выявлять в действиях окружающих признаки коррупции и попыток целенаправленного вовлечения индивида; готовность активно противодействовать коррупции. Такое качество личности и сознания формируется на основании комплекса субъективных и объективных факторов, к которым можно отнести: индивидуальные особенности личности и установки человека, специфику организационной культуры по месту службы, воздействие коллектива и авторитетов на личность, уровень образования и воспитания и т. д. Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что антикоррупционная устойчивость является актуальным и важным объектом для исследования в сфере военного образования [5; 12; 13; 15; 17; 19].

При более детализированном анализе можно выделить следующие компоненты антикоррупционной устойчивости: правосознание, нравственная зрелость личности, служебная этика и дисциплина, стремление следовать уставным нормам и непримиримость со злоупотреблениями должностным положением. Важно отметить, что отказ военнослужащего от личного участия в правонарушении не является достаточной метрикой (мерилом) устойчивости. Необходимо способность сохранять свою позицию неизменной в различных обстоятельствах, выдерживать (потенциальное) коррупционное давление коллектива и лиц, занимающих командные позиции, активно противодействовать коррупции сослуживцев.

Факторы, определяющие эффективность педагогической работы по формированию антикоррупционной устойчивости, характеризуются комплексностью и вариативностью. Как нам представляется, их можно разделить на субъективные и объективные, а также на внутренние – касающиеся специфики личности, и внешние – факторы, связанные с окружающей средой, коллективом, местом службы и так далее.

К внутренним факторам можно отнести индивидуальные черты психики: честность, ответственность, чувство долга, чувство справедливости, или, наоборот, подверженность девиантным формам поведения, эгоизм, макиавеллизм. К ним же можно отнести повышенную конформность, суггестивность и т. д. Такие параметры почти всегда субъективны и формируются на ранних стадиях взросления человека. Курсант поступает в учебное заведение, когда его психический профиль уже практически сформирован. Он слабо поддаётся коррекции, однако задачей педагогической системы может выступать выявление и оценка подобных личностных качеств, а также более фундаментальное исследование степени их влияния на уровень антикоррупционной устойчивости.

Внешние факторы определяются такими субъективными параметрами, как правовое воспитание и антикоррупционное просвещение, особенности уклада воин-

ской службы, морально-психологический климат, устоявшийся в подразделении, и т. д. Особую роль играет работа командиров, которые не только выполняют организационную функцию, принимают управленческие решения, но и выступают высшим авторитетом для курсантов, подают личный пример поведения.

Кроме того, военная служба сопряжена со специфическими объективными факторами. Так, например, структура военной иерархии подразумевает чёткую вертикаль подчинения, в рамках которой все важные решения, имеющие коррупционный потенциал (распределение ресурсов и обязанностей, поощрения и дисциплинарные взыскания), концентрируются в руках ограниченного круга уполномоченных лиц. В результате значительно повышается зависимость подчинённых от непосредственного командира, и растут его гипотетические возможности по использованию должностного положения в личных целях. Так, например, в жёстко структурированной управленческой системе возрастает риск фаворитизма, nepотизма и протекционизма – различных форм коррупционного поведения, предполагающих повышение (награждение) военнослужащих не за их служебные заслуги, а на основании личных целей и частной выгоды командира. Следует учитывать, что подобные проявления коррупции не являются неотъемлемой чертой иерархических структур. Они лишь демонстрируют более высокий риск возникновения, который, тем не менее, поддаётся минимизации.

В дополнение к этому воинская организация характеризуется закрытостью, необходимостью соблюдать режим секретности, что ограничивает прозрачность процедур и внешний контроль. Выявить коррупционные проявления в закрытой структуре, наладить мониторинг распределения материальных и нематериальных ресурсов сложнее, чем в гражданских институтах. Вследствие данных обстоятельств внутри военизированных структур могут формироваться латентные пространства, в которых коррупция возникает и самоподдерживается длительное время без надлежащей проверки и пресечения.

Перечисленные факторы иерархичности и закрытости объективны и представляют собой институциональные особенности военной системы. Без них невозможна её эффективная работа, требующая быстроты принятия решений, подчинения и секретности. Следовательно, искоренить их не представляется возможным. Однако можно купировать последствия их влияния, обеспечив надлежащую подготовку и воспитание военнослужащих. Тем самым актуальность изучения антикоррупционной устойчивости курсантов только усиливается [9; 10; 11; 18; 21; 22].

Основная часть

Цель настоящей статьи состоит в изучении базового уровня антикоррупционной устойчивости как характеристики антикоррупционного поведения курсантов военных образовательных организаций. Гипотеза нашего исследования выражена в предположении о том, что более половины курсантов продемонстрируют достаточный уровень антикоррупционной устойчивости.

Для организации исследования были сформированы две группы: экспериментальная группа (ЭГ) – курсанты «Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия войск национальной гвардии Российской Федерации», в количестве 120 человек (40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности — 68 курсантов и 37.05.02 Психология служебной деятельности — 52 курсанта), контрольная группа (КГ) – курсанты ФГКВОВУ ВО «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации имени Ф. Э. Дзержинского» — 135 курсантов.

Для организации исследования использовались следующие методы и методики исследования: анализ философской, психолого-педагогической, юридической литературы и нормативно-правовых актов Росгвардии по проблеме исследования,

обобщение педагогического опыта, моделирование образовательного процесса; диагностические методы: оценка склонности к коррупционному поведению, оценка уровня правосознания, опрос (анкетирование, беседы и интервьюирование). Обсервационные методы: включенное наблюдение за поведением курсантов в ходе занятий и несения службы в нарядах; праксиметрические методы: анализ результатов учебной деятельности, дисциплинарного учета; эксперимент: констатирующий (выявление исходного уровня), формирующий (внедрение модели антикоррупционного воспитания) и контрольный (оценка результатов) этапы.

Методики исследования: диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О. Ф. Потемкина); методика диагностики уровня правового сознания (Л. А. Ясюкова); морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной; шкала макиавеллизма (Mach-IV, адаптация В.В. Знакова); методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел); авторский тест «Правовые основы противодействия коррупции в военной среде»; методика диагностики уровня развития рефлексивности (А. В. Карпов); методика «Справедливость – забота» (С. В. Молчанов); шкала организационной справедливости (Дж. Гринберг, Р. Колквитт) и шкала социальной желательности (Д. Марлоу — Д. Крауна).

Остановимся на констатирующей части исследования – на выявлении исходного уровня устойчивости курсантов к антикоррупционному поведению. Проанализируем результаты нескольких методик.

В ходе проведения диагностики среди курсантов ЭГ и КГ был проведен контроль искренности, что позволило не учитывать результаты респондентов, намеренно пытающихся давать социально желательные ответы (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты контроля искренности курсантов по шкале мотивации одобрения Д. Кроуна, Д. Марлоу

Table 1 – Results of the control of the sincerity of cadets on the scale of motivation of approval of D. Crone, D. Marlow

Уровни	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Высокий	2	1,67	4	2,96
Средний	87	72,50	103	76,30
Низкий	31	25,83	28	20,74
Всего	120	100	135	100

Высокий уровень по шкале мотивации одобрения выявлен у шести курсантов выборки. Эти курсанты сознательно или неосознанно искажают информацию о себе, стараясь выглядеть «идеальным курсантом», и отрицают у себя наличие любых недостатков. Результаты других тестов (особенно на склонность к коррупции, макиавеллизм, делинквентность) у этих курсантов будем считать недостоверными. В ЭГ были учтены показатели 118 курсантов, в то время как в КГ – 131 курсанта.

Аспекты внутренней мотивации курсантов были исследованы нами методом диагностики социально-психологических

установок личности в мотивационно-потребностной сфере, разработанной О. Ф. Потемкиной [20]. Методика позволяет выявить степень выраженности таких установок, как «Альтруизм – Эгоизм», «Процесс – Результат», «Свобода – Власть», «Труд – Деньги», что является ключевым для понимания антикоррупционной устойчивости личности. Полагаем необходимым отметить, что внутренняя мотивация и ценностные ориентиры формируют направленность личности по отношению к следованию стандартам служебной этики и морали в условиях слабого внешнего контроля.

Таблица 2 – Определение профилей коррупционного риска курсантов

Table 2 – Determining corruption risk profiles of cadets

Профили риска	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Коррупционный профиль ¹	14	11,86	13	9,92
Профиль профессионального выгорания ²	31	26,27	33	25,19
Антикоррупционный профиль ³	73	61,86	85	64,89
Всего	118	100,00	131	100,00

¹ Коррупционный профиль – Высокие: Деньги, Эгоизм, Власть, Результат и Низкие: Альтруизм, Труд.

² Профиль профессионального выгорания – Высокие: Процесс (инертность), Деньги (нехватка средств) и Низкие: Результат, Альтруизм.

³ Антикоррупционный профиль – Высокие: Альтруизм, Труд, Результат (общественно полезный), Власть (как ответственность) и Низкие: Деньги, Эгоизм.

В ходе исследования выявленных паттернов распределения испытуемых (таблица 2) нами выделено 3 рискованных профиля курсантов (они представлены в порядке возрастания уровня антикоррупционной устойчивости): коррупционный профиль, профиль профессионального выгорания и антикоррупционный профиль.

Коррупционный профиль объединяет индивидов, проявляющих признаки склонности к коррупционному поведению и нарушению этических норм. Люди с таким профилем с высокой вероятностью ставят в приоритет личные интересы и материальные выгоды. В рамках их ценностной картины мира коррупция оправдана и является естественным способом достижения их собственных целей. Данная группа представляет наибольшую коррупциогенную угрозу для системы, поскольку её представители – это активные акторы коррупциогенеза.

Профиль профессионального выгорания занимает «промежуточное» положение. Как нам кажется, он не несёт в себе прямого коррупционного воздействия. Его представители, как правило, не являются инициаторами и организаторами преступлений на коррупционной почве. Однако они подвержены различным формам давления коллектива, авторитетов, а также самих обстоятельств внешней среды. Такие индивиды не способны противостоять коррупционному поведению сослуживцев, могут быть вовлечены в противоправную деятельность представителями первой группы. Особый риск, присущий данному профилю, связан с тем, что индивид с «выгорающим» типом личности может длительное время вести законопослушный образ жизни и не проявлять никаких признаков коррупционного поведения на службе, чем неосознанно обеспечит себе доверие со стороны руководства. Затем, в зависимости от каких-либо внешних обстоятельств, индивид совершит «дебютный эпизод» коррупционной деятельности. Это обстоятельство необходимо учитывать при проведении психодиагностики служащих, чтобы снизить фактор внезапности правонарушений.

Антикоррупционный профиль можно считать «фундаментом» коррупционной безопасности и стабильности системы. Лица с данным профилем характеризуются высокой резистентностью к деструктивному давлению, альтруизмом, ориентированностью на труд и общественно полезный результат. Им присуще правовое сознание и твёрдые нравственные убежде-

ния. Они рассматривают власть не как инструмент получения личной выгоды, а как ответственность.

Приведённые в таблице 2 результаты анализа свидетельствуют о том, что подавляющее большинство участников в обеих группах, а именно 61,86 % от ЭГ и 64,89 % от КГ, могут быть отнесены именно к антикоррупционному профилю. Такой результат подтверждает гипотезу о соответствии более чем половины курсантов критериям антикоррупционной устойчивости. Полагаем целесообразным отметить, что этот результат можно считать в целом позитивным, но не окончательным. По нашему мнению, в задачи военной педагогики должна входить максимизация доли антикоррупционного профиля среди курсантов.

Однако анализ антикоррупционной устойчивости был бы неполным без рассмотрения других профилей. Так, вторым по распространённости нами установлен профиль «профессионального выгорания». Он занял 26,27 % и 25,19 % в ЭГ и КГ соответственно. Иными словами, проведённый эксперимент показывает, что каждый четвертый респондент проявляет признаки деперсонализации, эмоционального истощения и, вероятно, «предкоррупционного состояния». Для целей нашей работы мы рассматриваем предкоррупционное состояние как переходную фазу между правомерным поведением индивида и дебютным эпизодом коррупции. Согласно психологии профессиональной деятельности такое состояние выражается в снижении самоконтроля, истощении моральных ресурсов, депрессивных эпизодах и так далее. По итогу исследования данного профиля нами сделан вывод о том, что от 25 до 26 процентов курсантов несут потенциальную угрозу коррупционного поведения, что требует организации мер профилактики и надлежащей психодиагностики.

В наименьшую долю выборки вошли респонденты с коррупционным профилем. Их число составило 11,86 % от ЭГ и 9,92 % от КГ. Разница в 1,94 % между группами может быть обусловлена индивидуальными чертами личности респондентов. Таким образом, приблизительно каждый десятый участник исследования проявил индикаторы склонности к коррупционному поведению. Такие индивиды несут наиболее высокие риски и требуют особого внимания.

По данным, полученным в ходе эксперимента, можно заключить, что обе группы демонстрируют высокую степень идентичности. Представленные нами профили различаются не более чем на 3 процента в

экспериментальной и контрольной групп, что может подтвердить корректность подбора испытуемых. Выборки являются статистически однородными. Следовательно, последующие изменения в ЭГ (например, после проведения эксперимента или обучения) можно считать результатом целенаправленного воздействия, а не случайной погрешностью.

На заключительном этапе эксперимента нами сделан обобщающий вывод о состоянии этического здоровья респондентов, который свидетельствует о следующем. В выборке преобладает антикоррупционный профиль. (приблизительно 61–64 %). Как мы указывали ранее, данный показатель необходимо по возможности повышать и рассматривать как «целевой». В этой связи, как нам кажется, основное внимание педагогов должно быть направлено на профиль «профессионального выгорания». Он в большей степени поддаётся коррекции, чем «коррупционный», и именно он вклю-

чает индивидов (до 26 процентов от общего числа), которые могут быть трансформированы в указанный нами целевой профиль. Следовательно, для максимизации антикоррупционной устойчивости педагогический процесс должен быть в первую очередь направлен на профилактику коррупционных проявлений и стресса среди лиц, относящихся к профилю «профессионального выгорания». В то же время уровень «коррупционного профиля» составил от 10 до 12 процентов. В его отношении считаем необходимым применять меры повышенного контроля и мониторинга.

Кроме того, нами осуществлён анализ уровня правового сознания респондентов. Для этого нами выделены три ключевые сферы жизнедеятельности: бытовая, профессиональная, гражданская, и проведена оценка зрелости правосознания в каждой из них. Результаты диагностики представлены на рисунке 1.

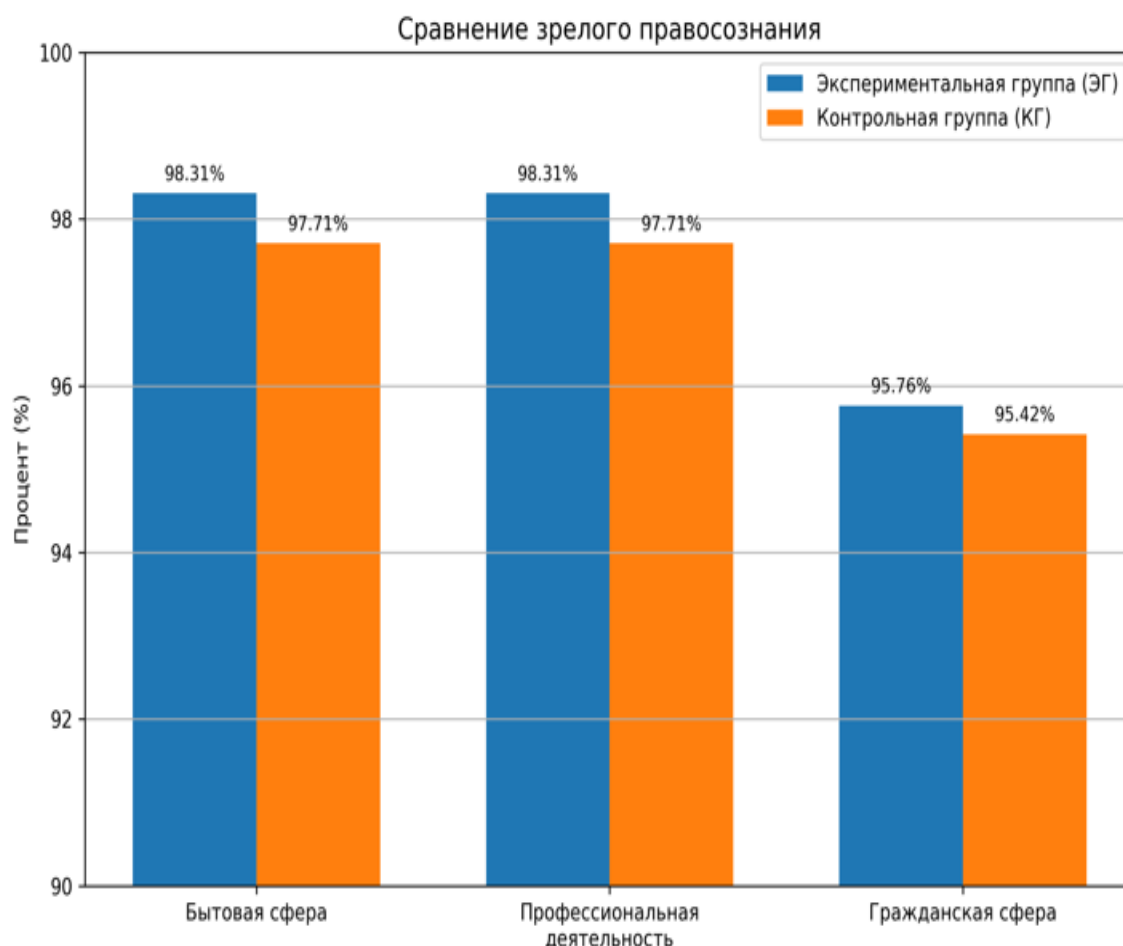

Рисунок 1 – Сравнение зрелого правосознания курсантов

Figure 1 – Comparison of mature legal awareness of cadets

Как видно на графике (рисунок 1), процент респондентов со зрелым правосознанием составляет более 95 во всех трех сферах. А значит, испытуемые в подавляющем количестве показывают себя как социально ответственных, законопослушных служащих. Можно заключить, что закон воспринимается ими на внутреннем ценностном уровне как естественный

регулятор общественных отношений, а не как внешняя принуждающая сила, неподкреплённая моральными ориентирами. Такие негативные виды правосознания как правовой нигилизм или цинизм выражены на уровне, сравнимом со статистической погрешностью. Более подробный анализ выявленных форм деформации правосознания показан на рисунке 2.

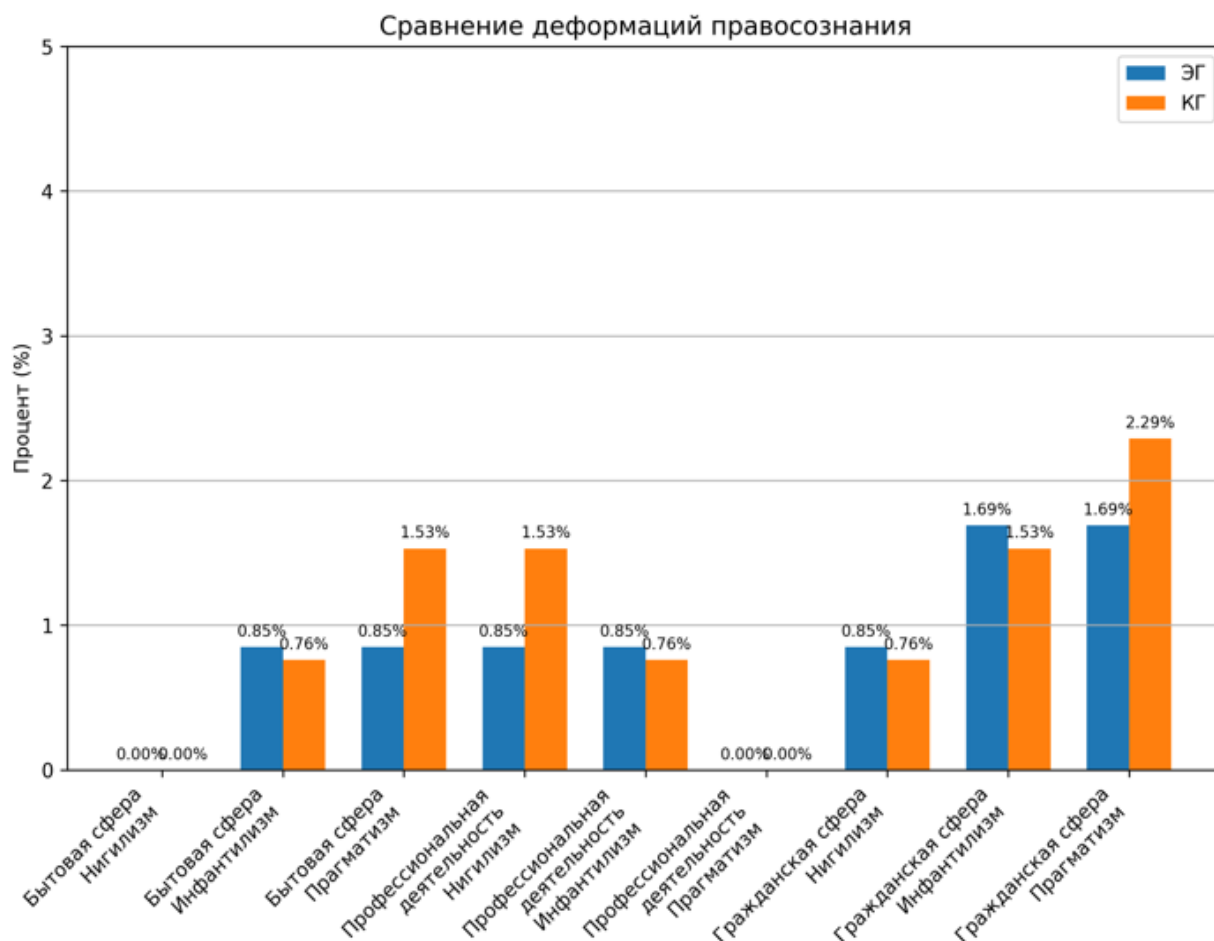

Рисунок 2 – Сравнение деструктивных типов правосознания курсантов

Figure 2 – Comparison of destructive types of legal consciousness of cadets

Из результатов диагностики (рисунок 2) видно, что активное отрицание ценности права среди респондентов практически отсутствует. В профессиональной и гражданской областях таких проявлений выявлено менее 1,6 процента, а в бытовой не зафиксировано вовсе.

Таким образом, фокус педагогической системы смещается в сторону сохранения высокого уровня правового самосознания и культуры. Повышать его до более высоких показателей представляется нецелесообразным ввиду воздействия так называемого «потолочного эффекта» – стадии системы, при которой она уже достигла

максимальных значений развития и её дальнейший рост сопоставим со статистической погрешностью, в результате чего зафиксировать его становится неоправданно сложно.

Помимо правосознания важно учитывать аксиологические (ценностные) факторы личности. Их значимость подчёркивается многими исследованиями. Так, А. А. Утюганов в своих работах описывает систему ценностно-смысловых ориентаций как основу противодействия деструктивным проявлениям [23, 24]. В целях данной статьи

нами был рассчитан «Антикоррупционный индекс» для расчёта аксиологических предикторов коррупции.

Согласно предлагаемой нами методологии для расчёта индекса проводится оценка превалирующих духовно-нравственных ценностей респондента (для оценки могут использоваться вышеописанные нами методики психодиагностики). Мы полагаем возможным выделить две категории ценностей: «конструктивные» и «деструктивные». Конструктивные ценности связаны с добросовестным исполнением служебных обязанностей и способствуют снижению коррупционных рисков. К ним можно отнести чувство долга, стремление к общественной пользе и гражданскую ответственность, высокое правосознание. Деструктивные, напротив, являются предиктором коррупционного поведения. Человек с превалирующим деструктивным аксиологическим типом ставит в приоритет лич-

ную выгоду, комфорт, реализацию собственных целей любым путём. В некоторых случаях он может выделяться склонностью к демонстрации роскоши, эгоцентризмом, макиавеллизмом. Итоговый показатель индекса рассчитывается нами как отношение уровня конструктивных ценностей к уровню деструктивных. Таким образом, при индексе больше единицы антикоррупционной устойчивости испытуемых можно присвоить благоприятный прогноз (у респондентов преобладают конструктивные ценности). Чем выше индекс, тем ниже коррупционный риск. Индекс меньше единицы означает доминирование материальной, деструктивной мотивации у испытуемых (отрицательный прогноз антикоррупционной устойчивости). Подробные статистические данные о проведённой оценке индекса среди участников ЭГ и КГ приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты диагностики жизненных ценностей курсантов

Table 3 – Results of the diagnostics of life values of cadets

Антикоррупционный индекс	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Индекс > 1 — прогноз благоприятный	101	85,59	110	83,97
Индекс < 1 — преобладает материальная мотивация (риск)	17	14,41	21	16,03
Всего	118	100,00	131	100,00

Кроме того, нами приведён сравнительный анализ показателей индекса в обеих группах (рисунок 3). Результаты наглядно показывают, что и в экспериментальной, и в контрольной группе преобладает именно конструктивное мировоззрение (85,59 % и 83,97 % соответственно).

Мы можем предположить, что такие результаты могут свидетельствовать о высокой эффективности и качестве воспитательной работы и, в частности, предварительного отбора кандидатов для обучения в военном ВУЗе.

Однако среди респондентов также выявлено лица с деструктивным набором ценностей. Как видно на диаграмме

распределения результатов (рисунок 3), их доля составила 14,41 % в ЭГ и 16,03 % в КГ, или 17 и 21 респондентов соответственно. Статистически это означает, что каждый шестой курсант подвержен повышенным рискам коррупционного поведения. С учётом значимости и характера их будущей служебной деятельности такой результат не может не обращать на себя внимание. В отношении установленной нами группы риска необходим индивидуальный воспитательный и психодиагностический подход. Стандартные методы (например, лекции о последствиях коррупции, разбор кейсов и т. д.) малоэффективны в отношении людей с деструктивным профилем.

Рисунок 3 – Результаты диагностики жизненных ценностей курсантов

Figure 3 – Results of the diagnostics of cadets' life values

Вероятно, группу риска можно в определённой степени скорректировать путём организации тренингов, стимулирования и контроля за личностным ростом. Кроме того, для неё следует разработать альтернативные источники самореализации, которые позволили бы удовлетворить или заместить некоторые личностные потребности без коррупционного риска. Например, материальные блага могут быть частично замещены более комфортной рабочей средой, признанием, иными нематериальными факторами, удовлетворяющими потребности индивида. Однако работа в этом направлении сложна и требует отдельного научного исследования. Она выходит за рамки объекта и предмета нашей статьи.

Примечательно, что рассчитанный нами антикоррупционный индекс (83,97 %–85,59 %) несколько ниже показателя зрелости правового сознания курсантов (95 %–99 %). Это объясняется тем, что при расчёте индекса оценивается комплекс личностных характеристик (помимо правосознания). Разница между этими параметрами не кажется значительной, однако указывает на наличие важной закономерности в паттернах поведения испытуемых. Курсант с высоким уровнем правосознания может одновременно проявлять склонность к коррупции. Возможны случаи, в которых индивид на сознательном уровне понимает деструктивный характер коррупции,

хорошо знает нормы закона, но подсознательно (на уровне мотивации и базовых жизненных ценностей) стремится к получению личной выгоды и готов её добиваться коррупционным путём. Коррупционные риски, связанные с такими лицами, не снижаются, а трансформируются, проявляются в специфических формах коррупционного поведения.

Таким образом, проведённое нами исследование коррелирует с предположением о том, что правового просвещения недостаточно для снижения рисков. Эффективное формирование антикоррупционной устойчивости требует комплексного подхода, объединяющего и правовой, и мотивационный, и аксиологический, и иные аспекты.

Исследованию правового аспекта формирования антикоррупционной устойчивости личности посвящён отдельный раздел нашей работы. Нами выделено три уровня правовой грамотности (низкий, средний, высокий). Результаты оценки уровня приведены в таблице 4.

Общий размер исследуемой выборки составил 249 курсантов. Из них 118 человек – в ЭГ и 131 человек – в КГ. Оценка уровня правовой грамотности обеих групп отличается высокой однородностью. Обе группы демонстрируют подавляющее преобладание респондентов со средним уровнем правовой грамотности (от 93,22 % до 91,60 %).

Таблица 4 – Результаты диагностики усвоения правовых основ противодействия коррупции в военной среде

Table 4 – Results of the diagnostics of the assimilation of the legal framework for combating corruption in the military environment

Уровень правовой грамотности	ЭГ		КГ	
	абс.	%	абс.	%
Высокий	7	5,93	9	6,87
Средний	110	93,22	120	91,60
Низкий	1	0,85	2	1,53
Всего	118	100	131	100

Это означает, что курсанты в большинстве случаев имеют базовые знания о нормах права, понимают общественную опасность коррупционных правонарушений и осведомлены о мерах наказания.

Вместе с тем, в ходе проведенных опросов было установлено, что многие респонденты путают схожие юридические понятия, не могут уверенно отвечать на детализированные точечные вопросы (например, о суммах взяток и установленных за них дисциплинарных и уголовных взысканиях), испытывают трудности при анализе нестандартных юридических кейсов (например, при рассмотрении посредничества как разновидности коррупции). Также отмечается недостаток понимания скрытых форм коррупции. Так, услуги нематериального характера могут восприниматься как правомерное и допустимое действие, хотя фактически являются проявлением коррупции.

Таким образом, для группы со средним уровнем правовой грамотности существует риск вовлечения в сложные коррупционные схемы вследствие недостаточного понимания их признаков.

Высокий уровень правовой грамотности проявили 5,93 % респондентов в экспериментальной и 6,87 % респондентов в контрольной группе. Для представителей этой группы характерны глубокие познания в области правового регулирования служебной деятельности и четкая сформированная антикоррупционная позиция. Они свободно ориентируются в юридических вопросах, способны давать правовую оценку действиям окружающих.

Самый редкий результат среди опрошенных – демонстрация низкого уровня грамотности. Он присущ менее чем 2

процентам опрошенных в обеих группах. Для них характерен критический недостаток знаний, непонимание общественной опасности коррупции. Дополнительно, у индивидов в данной группе могут фиксироваться проявления правового нигилизма, попытки собственной «трактовки» значимых понятий и требований служебного долга в целом. Это наиболее высокорискованная категория лиц. Они с более высокой вероятностью могут как быть вовлеченными в коррупцию, так и быть инициаторами правонарушений.

Рассмотренные нами антикоррупционный индекс и уровень правовой грамотности относятся к категории внутренних факторов. Для полной оценки устойчивости к проявлениям коррупции следует также проанализировать внешнее воздействие и то, как оно воспринимается испытуемыми. С этой целью нами проведена диагностика восприятия курсантами институциональной среды.

Выделены 4 основные области среды: контроль за распределением ресурсов; организация служебных процедур; межличностные отношения и непосредственное взаимодействие в ходе учебного процесса. Для каждой области получены данные о восприятии курсантами уровня справедливости (респондентам была предоставлена возможность охарактеризовать его как низкий или высокий). Важно подчеркнуть, что исследование направлено в первую очередь на измерение субъективной оценки курсантами характеристик институциональной среды: насколько, по их мнению, она справедлива, эффективна и способствует предотвращению коррупции.

Таблица 5 – Результаты диагностики организационной справедливости курсантов

Table 5 – Results of the diagnostics of organizational justice of cadets

Шкала	Уровень	ЭГ		КГ	
		абс.	%	абс.	%
Распределительная справедливость ⁴	Высокий	36	30,51	43	32,82
	Низкий	82	69,49	88	67,18
Процедурная справедливость	Высокий	49	41,53	51	38,93
	Низкий	69	58,47	80	61,07
Межличностная справедливость	Высокий	77	65,25	86	65,65
	Низкий	41	34,75	45	34,35
Информационная справедливость	Высокий	71	60,17	74	56,49
	Низкий	47	39,83	57	43,51
Всего		118	100,00	131	100,00

Распределительная справедливость – это оценочный показатель эффективности распределения материальных ресурсов, а также учебной нагрузки. Исследование показало, что большинство опрошенных испытывают неудовлетворенность результатами распределения. В экспериментальной группе таких индивидов 69,49 процентов, в контрольной – 67,18. Мы предполагаем, что они могут расценивать сложившееся распределение как необъективное, несоответствующее их возможностям, усилиям и реальным потребностям. Такая оценка представляет источник коррупционной угрозы.

Процедурная справедливость включает организационные процессы, правила и процедуры, по которым принимаются управленческие решения, а также степень самоопределения (возможность повлиять на эти решения) курсантов. 58,47 % респондентов из экспериментальной группы оцени текущий уровень процедурной справедливости как низкий. В контрольной группе таких ответов зафиксировано немного больше – 61,07 %.

Иными словами, более половины опрошенных уверены, что система принятия управленческих решений выстроена некорректно. Некоторые конкретные решения воспринимаются ими как непослдовательные или необъективные. Особое внимание респондентов относится к наложению дисциплинарных взысканий и назначениям на должности.

Как нам представляется, процедурная справедливость является приоритетным фактором с учётом установленной нами тенденцией и специфики военной организационной структуры. Ранее мы описывали

особые условия военной службы, в значительной степени ограничивающие прозрачность и самоопределение служащих. Также для военной службы крайне важно поддержание авторитета командного состава. В этой связи любые деструктивные паттерны, направленные на подрыв иерархии, несут повышенную угрозу.

С другой стороны, необходимо заметить, что порядка 40 процентов участников эксперимента оценили процедуры конструктивно. Это свидетельствует об их готовности соблюдать регламентный порядок.

Межличностная справедливость – это сфера, объединяющая взаимоотношения офицеров и преподавателей с курсантами, проявление уважения, сохранение достоинства обучающихся при взаимодействии. В обеих группах количество позитивных оценок превысило 65 процентов. Установлено, что большинство опрошенных подтверждает наличие уважительного, справедливого отношения к себе.

К области информационной справедливости отнесено качество передачи информации, своевременность и полнота разъяснений, относящихся к принимаемым руководящим решениям. Результаты тестирования говорят о позитивном восприятии информационной справедливости у большинства участников. В ЭГ показатель превысил 60 процентов, в КГ – 56. Опрошенные, в целом, уважают своих преподавателей и командиров.

Заключение

В ходе подготовки настоящей статьи нами были исследованы вопросы определения сущности и формирования у курсантов военных ВУЗов антикоррупционной

устойчивости. Был проведён психодиагностический эксперимент, выделены основные конструктивные и деструктивные факторы антикоррупционной устойчивости, оценены базовые личностные показатели курсантов. В ходе эксперимента проанализированы ответы в общей сложности 255 респондентов, являющихся курсантами образовательных учреждений войск Росгвардии.

Результаты диагностики показали, что респонденты имеют в целом удовлетворительный уровень антикоррупционной устойчивости. Вместе с тем, полагаем целесообразным рассмотреть следующие возможности по улучшению образовательной и воспитательной работы:

Во-первых, внедрение в учебный процесс разбора реальных юридических кейсов, касающихся нестандартных или комплексных форм коррупции и сокрытия коррупционных доходов: посредничество, получение услуг под видом подарков, различные формы конфликта интересов.

Во-вторых, считаем необходимыми уделить повышенное внимание изучению антикоррупционных процедур: порядку уведомления о конфликте интересов, фактах склонения к совершению правонарушений и т. д.

В-третьих, организовать систематические индивидуальные беседы с курсантами, показавшими в ходе эксперимента низкую степень антикоррупционной устойчивости.

В-четвертых, продолжить проведение психодиагностических мероприятий и разработку новых, более точных и эффективных методик диагностики и купирования выявляемых по их итогу рисков.

Данный научный труд не является исчерпывающим и окончательным. Он может послужить отправной точкой для дальнейших исследований, в частности по четырём вышеуказанным направлениям.

В завершение отметим, что итоги проведённого нами эксперимента подтверждают актуальность вопроса об оптимизации и, возможно, реорганизации системы правового обучения курсантов. Главным направлением педагогической работы в будущем, по нашему мнению, может стать практико-ориентированное обучение, направленное на преодоление пробелов в знаниях и перевод обучающихся из категории «среднего» уровня в категорию «высокого» уровня правовой грамотности [1; 2; 6; 7; 8; 14; 16; 23; 24].

Список источников

1. Бурмакин В. М. Антикоррупционное просвещение в воспитательных мероприятиях вуза // Актуальные проблемы педагогики и психологии: вызовы XXI века: сборник научных трудов / под ред. Е. И. Артамоновой, Г. Г. Еркибаевой, Л. П. Илларионовой. Вып. 4. М. : ООО «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 112–117.
2. Бурмакин В. М. Антикоррупционное просвещение как элемент воспитательной деятельности вуза // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов 4-й Международной научной конференции, Москва, 20 ноября 2020 года / под общ. ред. Г. В. Бариновой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М. : Российский университет транспорта, 2020. С. 91–98.
3. Бурмакин В. М. Коррупционные процессы: диагностика и минимизация в условиях цифровизации экономики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 3(102). С. 118–128.
4. Бурмакин В. М. Основные составляющие коррупционных проявлений // Взгляд молодых ученых на подходы и алгоритмы управления пространственным развитием для повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности экономики регионов: сборник статей. СПб. : ООО «Скифия-принт», 2024. С. 293–298.
5. Бурмакин В. М. Ключевые аспекты изучения антикоррупционного поведения курсантов военных и правоохранительных образовательных организаций / В. М. Бурмакин, С. Н. Сорокоумова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2026. № 2. С. 142–154.
6. Вахитов Д. М. Формирование антикоррупционной компетентности курсантов военного института войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7 / Вахитов Дмитрий Минуллович. Кемерово, 2024. 170 с.
7. Вахитов Д. М. Формирование антикоррупционной компетентности курсантов в условиях цифровизации общества / Д. М. Вахитов, А. А. Утюганов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 3. С. 272–283.

8. Вахитов Д.М., Утюганов А.А. Коррупция как социальная болезнь: педагогические основания и пути антикоррупционного воспитания / Д. М. Вахитов, А. А. Утюганов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 206–217.
9. Вахитов, Д. М. Актуальные вызовы и подходы в противодействии коррупции в образовании / Д. М. Вахитов, С. В. Лопатко // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4(33). С. 280–290.
10. Вахитов Д. М. Совершенствования системы управления по формированию антикоррупционной компетентности курсантов // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 2. С. 2.
11. Гибридные войны: учебник / О. Г. Карпович, А. А. Гришанов, В. Б. Козюлин [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2026. 910 с.
12. Гордеева П. А. Психологическая диагностика личности курсантов: исследование адаптационных ресурсов и психологического благополучия : учебное пособие / П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 153 с.
13. Гордеева П. А. Психологическая диагностика личностного потенциала курсантов – будущих командиров / П. А. Гордеева, В. И. Орлов, С. Н. Сорокоумова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. 233 с.
14. Ковтуненко Л. В. Антикоррупционное просвещение как направление формирования антикоррупционной культуры курсантов вузов МВД России / Л. В. Ковтуненко, О. А. Титова // Глобальный научный потенциал. 2024. № 4-1 (157). С. 18–20.
15. Курдин Д. А. Интеллектуальный анализ данных как метод психологического прогнозирования успешности в обучении курсантов / Д. А. Курдин, С. Н. Сорокоумова, М. И. Марьин. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2024. 192 с.
16. Майстренко Г. А. Механизмы реализации антикоррупционной политики в вузах ФСИН России / Г. А. Майстренко, А. Г. Майстренко // Закон и право. 2023. № 3. С. 220–224.
17. Меркулов С. В. Эмоционально-волевая устойчивость как основополагающий компонент готовности будущих офицеров к противодействию влиянию идеологии экстремизма / С. В. Меркулов, С. Н. Сорокоумова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 4(22). С. 127–136.
18. О формировании у обучающихся в вузе способности нетерпимого отношения к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению / А. Д. Шматко, В. М. Бурмакин // Исследование проблем и тенденций развития высшего образования в современной России: сборник научных трудов. СПб.: Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2024. С. 159–172.
19. Орлов В. И. Системообразующие средовые и психолого-педагогические факторы развития профессионально-личностных компетенций командира тактического звена / В. И. Орлов, П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2026. № 1(27). С. 246–257.
20. Потемкина О. Ф. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. С. 641–648.
21. Сундукова В. В. Формирование антикоррупционной направленности личности курсантов образовательных организаций ФСИН России / В. В. Сундукова, И. С. Ганишина, С. Н. Сорокоумова. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (изд-во «Зебра»), 2021. 168 с.
22. Танаева З. Р. Формирование профессионального правосознания будущих юристов посредством проектной деятельности // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. Т. 17. № 1. С. 56–60.
23. Утюганов А. А. Формирование ценностно-смысловых ориентаций у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2017. 124 с.
24. Утюганов А. А. Формирование ценностно-смысловых ориентаций у курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-4. С. 302–305.

References

1. Burmakin V. M. Antikorrupsionnoye prosveshcheniye v vospitatel'nykh meropriyatiyakh vuza // Aktual'nyye problemy pedagogiki i psikhologii: vyzovy KHKH veka: Sbornik nauchnykh trudov / Pod redaktsiyey Ye.I. Artamonovoy, G.G. Yerkibayevoy, L.P. Illarionovoy. Vyp. 4. Moskva: ВЕСТНИК ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ. 2026. № 3 (36). ISSN 3033-5949 (онлайн)
VESTNIK VOENNOJ AKADEMII VOJSK NACIONAL'NOJ GVARDII. 2026;3(36). ISSN 3033-5949 (online)

- Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu (Izdatel'sko-torgovyy Dom «PERSPEKTIVA»), 2020. S. 112-117. (In Russ.).
2. Burmakin V. M. Antikorrupcionnoe prosveshchenie kak element vospitatel'noj deyatel'nosti vuza / V. M. Burmakin // *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: Sbornik trudov CHetyvortoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Moskva, 20 noyabrya 2020 g. / Pod obshchej redakciej G.V. Barinovoj, L.V. Blonskogo, S.N. Klimova. Moskva: Rossijskij universitet transporta, 2020. S. 91-98. (In Russ.).
3. Burmakin V. M. Corruption processes: diagnostics and minimization in the context of digitalization of the economy // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2022;1;3(102):118-128. (In Russ.).
4. Burmakin V. M. Osnovnyye sostavlyayushchiye korruptsionnykh proyavleniy // *Vzglyad molodykh uchenykh na podkhody i algoritmy upravleniya prostranstvennym razvitiyem dlya povysheniya ustoychivosti, innovatsionnosti i konkurentosposobnosti ekonomiki regionov: sbornik statey*. Sankt-Peterburg: OOO «Skifiya-print», 2024. S. 293-298. (In Russ.).
5. Burmakin V.M., Sorokoumova S.N. Key aspects of the study of anti-corruption behavior of cadets of military and law enforcement educational organizations *Voyenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri*. 2026;2: 142-154. (In Russ.).
6. Vahitov D. M. Formirovanie antikorrupcionnoj kompetentnosti kursantov voennogo instituta voysk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ped. nauk: 5.8.7 / Vahitov Dmitriy Minullovich. Kemerovo, 2024. 170 p. (In Russ.).
7. Vahitov D. M. Formation of Cadets' Anti-Corruption Competence in the Context of Digitalization of Society / D. M. Vahitov, A. A. Utyuganov // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voysk nacional'noj gvardii*. 2024;3: 272–283. (In Russ.).
8. Vakhitov D.M., Utyuganov A.A. Corruption as a social disease: pedagogical foundations and ways of anti-corruption education // *Vestnik VoЕННОЙ академии войск национальной гвардии*. 2026;2(35): 206–217. (In Russ.).
9. Vakhitov D. M. Current challenges and approaches to combating corruption in education / D. M. Vakhitov, S. V. Lopatko // *Vestnik VoЕННОЙ академии войск национальной гвардии*. 2025;4 (33):280-290.
10. Vahitov D. M. Improving the management system for developing anti-corruption competence among cadets // *Mir nauki. Psihologiya*. 2020. Vol. 8;2. (In Russ.).
11. Gibrinyye voyny : uchebnik / O. G. Karpovich, A. A. Grishanov, V. B. Kozyulin [i dr.]. 2-ye izdaniye, ispravlennoye i dopolnennoye. Moskva : Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii, 2026. 910 p. ISBN 978-5-00227-592-2 (In Russ.).
12. Gordeyeva P. A. Psikhologicheskaya diagnostika lichnosti kursantov: issledovaniye adaptatsionnykh resursov i psikhologicheskogo blagopoluchiya : uchebnoye posobiye / P. A. Gordeyeva, S. N. Sorokoumova. Sankt-Peterburgskaya voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii : Izdatel'stvo Akademii voysk natsional'noy gvardii, 2025. 153 p. ISBN 978-5-93598-144-0. (In Russ.).
13. Gordeyeva P. A. Psikhologicheskaya diagnostika lichnostnogo potentsiala kursantov - budushchikh komandirov / P. A. Gordeyeva, V. I. Orlov, S. N. Sorokoumova. Izdaniye 2-ye, dopolnennoye i pererabotannoye. Sankt-Peterburg : Voyennaya ordena Zhukova akademiya voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2025. 233 p. ISBN 978-5-93598-145-7. (In Russ.).
14. Kovtunen L. V. Anti-corruption education as a direction for the formation of anti-corruption culture of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / L. V. Kovtunen, O. A. Titova // *Global'nyy nauchnyy potentsial*. 2024;4-1(157):18-20. (In Russ.).
15. Kurdin D. A. Intellektual'nyy analiz dannykh kak metod psikhologicheskogo prognozirovaniya uspehnosti v obuchenii kursantov / D. A. Kurdin, S. N. Sorokoumova, M. I. Mar'in. Novosibirsk : Novosibirskiy voyennyi institut imeni generala armii I.K. Yakovleva voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2024. 192 p. ISBN 978-5-6049833-0-0 (In Russ.).
16. Maistrenko G.A., Maistrenko A.G. Mechanisms for implementing anti-corruption policy in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia // *Zakon i pravo*. 2023;3: 220–224. (In Russ.).
17. Merkulov, S. V. Emotional-volitional stability as a fundamental component of the readiness of future officers to counter the influence of extremist ideology / S. V. Merkulov, S. N. Sorokoumova // *Voyenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri*. 2024;4(22):127-136. (In Russ.).
18. O formirovanii u obuchayushchikhsya v vuze sposobnosti neterpimogo otnosheniya k proyavleniyam ekstremizma, terrorizma, korruptsionnomu povedeniyu / A. D. Shmatko, V. M. Burmakin // *Issledovaniye problem i tendentsiy razvitiya vysshego obrazovaniya v sovremennoy Rossii: Sbornik nauchnykh trudov*. Sankt-Peterburg: Baltiyskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet "VOYENMEKH" im. D.F. Ustinova, 2024. Pp. 159-172. (In Russ.).

19. Orlov V. I. System-forming environmental and psychological-pedagogical factors in the development of professional and personal competencies of a tactical commander / V. I. Orlov, P. A. Gordeeva, S. N. Sorokoumova // *Voyenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri*. 2026;1(27): 246-257. (In Russ.).

20. Potemkina O. F. Metodika diagnostiki sotsial'no-psikhologicheskikh ustanovok lichnosti v motivatsionno-potrebnostnoy sfere // *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoye posobiye* / D.YA. Raygorodskiy eds. – Samara: Izdatel'skiy Dom «BAKHRACH-M», 2001. – Pp. 641–648. (In Russ.).

21. Sundukova V. V. Formirovaniye antikorruptsionnoy napravlenosti lichnosti kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy FSIN Rossii / V. V. Sundukova, I. S. Ganishina, S. N. Sorokoumova. – Ul'yanovsk: IP Ken'shenskaya Viktoriya Valer'yevna (izdatel'stvo «Zebra»), 2021. 168 p. (In Russ.).

22. Tanaeva Z. R. Formation of professional legal awareness of future lawyers through project activities // *Innovative development of professional education*. 2018;17;1: 56-60. (In Russ.).

23. Utyuganov A. A. Formirovaniye tsennostno-smyslovyykh oriyentatsiy u voyennosluzhashchikh voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii / A. A. Utyuganov. – Novosibirsk : Novosibirskiy voyennyi institut imeni generala armii I.K. Yakovleva voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2017. 124 p. ISBN 978-5-906431-64-6 (In Russ.).

24. Utyuganov A. A. Formation of value-semantic orientations among cadets of the troops of the National Guard of the Russian Federation / A. A. Utyuganov // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2019;62-4: 302-305. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Н. Сорокоумова – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования

В. М. Бурмакин – преподаватель кафедры Б6 «Стратегическое управление высокотехнологичными предприятиями»

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026;
одобрена после рецензирования 12.09.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the authors

S. N. Sorokoumova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

V. M. Burmakin – Lecturer, Department B6 «Strategic Management of High-Tech Enterprises»

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.07.2026;
approved after reviewing 12.09.2026;
accepted for publication 28.09.2026.